

Владимир Опёнок

Крах эпохи Манкурта

18+

Владимир Опёнок

Крах эпохи Манкурта

<https://litres.ru/63119348>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-92790-2

Аннотация

Дорогой читатель!

Автор не желает этим текстом оскорбить чьи-либо чувства, и весь текст является субъективным оценочным суждением автора.

"Крах эпохи Манкурта" - сборник из пяти рассказов: "Небываемое бывает", "Суд над Либерализмом", "Муравьиная мудрость", "Оранжевая эйфория зелёного змия" и "Совесь".

Рассказы, на первый взгляд, о разном. Тем не менее, все они повествуют об одном и том же. О забывчивости человека утратившего природное предназначение жить в согласии с окружающим миром.

Вместе с тем, уважая время читателя автор публикует рассказы отдельно. Поэтому достаточно прочесть рассказ, а уж затем решить, стоит ли читать весь сборник...

Содержание

Небываемое бывает	4
Суд над Либерализмом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Крах эпохи Манкурта

*В мире много континентов. Много
милых, добрый лиц. Всё что в мире
есть – Россия: у России нет
границ!*

Небываемое бывает

Бескрайнее поле, что совсем недавно кутал белоснежный покров, озарили робкие лучи восходившего из-за горизонта солнца. Весенняя земля, не успевая прогреться, хлюпала и чавкала под ногами. В ней по щиколотку вязли сапоги да конские копыта. Они месили её, будто глиняное тесто. Солнечные блики, отражаясь от шлемов, скользили по поверхности щитов, приникая, липли к кольчугам, местами залитые кровью, раскрашивая доспехи всеми цветами радуги. А мелькавшие в руках витязей мечи яркими вспышками озаряли исколотое, изрубленное месиво. Месиво, когда наступила беспощадная жатва, что снопами валила трупы под ноги лошадей, так и норовивших выбраться из человеческой свалки. Туда, где солнце озаряет мирные, не затронутые войной поля.

Схватившиеся на поле битвы воины, сражались не на жизнь, а на смерть! Их ненависть горящими взорами прожигала доспехи, круша всё, что попадалось на пути: людей, ко-

ней, повозки. Опьянев от боя, ратники наносили удары, пока, истёкшие кровью, не падали замертво. Затрудняя и без того непростое передвижение боевых колонн, делая их менее манёвренными. Потому как, несмотря на раннее утро, поле брани усеяло множество тел, оглашавших стонами этот сотканный из живых мертвецов ковёр.

На небольшой возвышенности, располагавшейся справа, стоял выдавший виды шатёр. Рядом с ним верхом на коне восседал всадник. То был могучий воин, чья ладно скроенная фигура таила огромную силу, угадывавшуюся под наброшенным плащом. Его окладистую бороду окрашивала седина, подчёркивая степенность прожитых лет. Выбившиеся из-под шлема волосы курчавились на ветру. Синие глаза воеводы изучали обстановку, а войско, которым командовал, стройными рядами теснило супостата.

Впрочем, да разве это супостат? Взбунтовавшееся племя, что вышло из подчинения, поддавшись на уговоры молодого, незрелого вождя, кто решил всё переиначить и навлёк на сородичей гнев, вылившийся в беспощадную сечу. Так как с незапамятных времён племя находилось под защитой Империи, чья политика не допускала бесчинств воинственных кочевников. Бесчисленных племён, малых размером, но свирепых и кровожадных. И не раз с ними сталкиваясь, боевые дружины, истребляли всех, кто рискнул обидеть исправно платящих дань. В назидание за неблагодарность всё мужское население врага выкорчёвывалось с мясом, оставались

только женщины, старики да малолетние дети, распределявшиеся по соседям, дабы не умерли с голоду. Порой преследование кочевников длилось неделями, но, настигнув и обезглавив противника, войско возвращалось в пределы государства. Эти пределы простирались так широко, что над ними никогда не заходило солнце...

Однако молодого вождя не прельщала такая участь. Вскормленный в юрте своего дяди, юноша усвоил разговоры о том, что когда-то их предки были вольными кочевниками. Да и рассказы о смельчаках-разбойниках делали своё дело. Правда, те убивали мирных жителей, угоняли скот и воровали женщин да детей. Для последующей продажи в рабство. Но каждый понимает доблесть по-своему. Вот и наводил воевода порядок железной рукой, ибо кто с мечом к нам придёт – от меча и погибнет!

Видя, как войско справляется с бунтовщиками, ряды которых редуют, он дал команду сломить разрозненные очаги сопротивления. Для этого вмиг задействовали четыре резервные кавалерийские сотни. Они, горяча коней, ждали отмашки ринуться в бой! И вот раздался призыв боевых труб, и всё было кончено. Неопытные в военном деле пастухи, основным занятием которых пасти скот, увидав, как окружает несущаяся со всех сторон лава, побросали оружие! Их опрометчивый вождь, понимая, что прощения не будет, покинул поля боя. Он ещё не знал, какая участь его ждёт. Поэтому, забегая вперёд, следует сказать, что нукеры сопровож-

дения спустя пары дней мытарств, сговорились промеж собой и повязали бывшего повелителя. После чего доставили к ближайшему кордону, расположенному ближе к северному предгорью, где они укрывались от погони. Передав его в руки дежурного сотника, покорно приняли участь военнопленных.

Тем временем на поле боя воцарилось затишье. Много бунтовщиков полегло. Войско же не понесло значительного урона. Оставшихся в живых согнали к подножию холма и выпороли. После чего отпустили эту сломленную духом, израненную рать, но, без оружия и лошадей. Снабдив питьевой водой, им запретили под страхом смерти находиться на территории государства...

Услышав столь горький приговор, многие стали молить о прощении, потому как покинуть пределы державы не сулило ничего хорошего. Но за всё приходится платить. Назвавшись воином, принимай участие, как должно! Вот и отогнали поверженных в степь, после чего войско двинулось к стойбищу бунтовщиков. Решать судьбу стариков, женщин и детей, так как племя, потеряв значительную часть мужского населения, не сможет прокормиться, и нужно определить их под защиту соседей. Где вожди не роптали, а благодарно принимали покровительство могучей державы.

Весть о кровавой бойне мигом разнеслась! Давненько не было случая, когда смиренные данники, облагодетельствованные милостью и защитой, решили отплатить неблагодар-

ностью. Но отныне урок запомнится. И многочисленное племя, что взбаламутил глупый вождь, потеряв в бессмысленной битве мужчин, растворилось в соседях. Оно пополнило своими женщинами и стадами их скудные рода...

Завершив начатое, воевода дал команду готовиться к возвращению. Держать ответ пред теми, кому должно предъявлять спрос, и войско двинулось к родным очагам. Предвкушение встречи с близкими перемешивалось с грустью по погибшим товарищам. Их души, став ангелами, сопровождали ратников в походе.

Империя

Давным-давно из седой древности повелось, что на всякой территории, называемой государство, полагается быть месту, откуда вершится сакральная власть. Именно такой властью и назначался Правитель огромной Империи, которой некогда подчинялось всё. А посему упомянутые, пред кем воеводе предстояло отвечать, относились к редкому типу людей, которые знали, для чего делать одно и воздерживаться от другого. Хранили они обычаи и традиции, без чего общность, именуемая нацией, превращается в Иванов, не помнящих родства. Или манкуртов, потерявших память и выброшенных на свалку истории посредством талантливо написанной сказки.

Но об этом речь впереди, а вернувшееся из похода войско,

согласно обычаю, расположилось неподалёку от холма в самом сердце столицы. Так как именно здесь возвышалось величественное сооружение, защищённое внушительных размеров стеной и окружённое рвом, заполненным водой. И спешившись в лагере, разбитом на берегу Золотой реки, воевода смиренно направился к висячему мостику. Он осторожно преодолел поскрипывающую переправу и робко подошёл к массивным, обитым кованым железом воротам. Там снял головной убор и стал терпеливо ждать, когда отворится калитка, и его поглотит неизвестность.

Не станем вдаваться в подробности, как непросто пришлось воеводе держать ответ. Однако вскоре он вернулся с умиротворённым ликом. Его чело разгладилось, морщины, прорезавшие лоб, были едва заметны. По всему видно, тяжкий груз сбросил воевода. Тогда настал черёд дружинников освободиться от всего, чем запятнали себя в походе.

Ранним утром следующего дня священники совершили очистительный обряд, во время которого воинам простили грех смертоубийства. Теперь они могли с чистой совестью вернуться в дома, к ожидавшим их жёнам, детям, родителям. Теперь на них не было крови, и можно возвращаться к мирной жизни. Впереди много работы...

Что же касалось Империи, в чьи пределы вернулось войско, она существовала с зарождения жизни и была первой в череде ныне действующих «государств», которым сама подарила независимость. Её внутреннее устройство было про-

стым, так как стержнем служила иерархия, согласно которой Правитель подчинялся сакральной власти. Сам же распоряжался мужиками, а у тех по домам сидел целый выводок, галдящая ребятня да жёны, кто, воспитывая деток, хлопотал по хозяйству. Так и жила Империя единым организмом, и ничто не нарушало спокойствие.

Правда, в семье не без урода, и случались злодеяния, но справедливое возмездие всегда настигало тех, кто творил беззаконие. Другое дело, что разнилось наказание, и самым суровым было изгнание за пределы. Стоит ли говорить, какой ненавистью пылали сердца провинившихся, навеки покидая благословенный край? Для тех же, чья вина не столь значительна, применялась иная кара. Их заковывали в ошейники, и они становились общественной собственностью. Позже, когда ошейники снимали, избывших вину отпускали домой. Тем не менее, позора с лихвой хватало, дабы впредь подобные мысли не приходили в голову. Кольцо на шее называлось «печатью манкурта». Это обидное прозвище закреплялось за провинившимися на весь период искупления ими вины.

Но со временем каторжан, кого выслали, становилось всё больше. Суды неумолимо блюли закон, в результате чего вокруг Империи образовались поселения, где обустроивались бывшие сограждане. Эти поселения разрастались, изгои осваивали ремёсла, развивали кустарное производство, образовывали союзы и гильдии. Натуральный обмен правил

бал, так как, кроме Империи, надёжных покупателей не было. Кочевые племена, совершая набеги, не торговались, они силой забирали что приглянулось. Вот и пришлось изгнанникам бить челом бывшей Родине и просить защиты от лихих разбойников. И снарядили каторжане послов с челобитной, но на всякий случай простились с ними. Их отправляли туда, куда запрещено возвращаться, и кто знает, чем обернётся встреча.

Тем не менее, просители достигли границ Империи и пересекли их живыми и здоровыми. Под конвоем смельчаков доставили в столицу.

Как прошла встреча, о том история умалчивает, но дело сладилось! Метрополия согласилась взять под крыло поселения ссыльных, определив необременительную дань. Им разрешили торговать на приграничных кордонах, а в крупных населённых пунктах разместили экспедиционные войска. Повсюду ввели имперские денежные знаки, а устои и уложения, переименованные в законы, приняли форму нормативных актов. Согласно им и по сей день организована жизнь на периферии.

После того как поселения ссыльных стали европейскими городами, местные племена разбавили эту аморфную массу, и последовавшая за этим сумятица вынудила прибегнуть к следующему: Метрополия создала языки общения для каждой теперь уже смешанной этнической группы. Так без войн и насилия скрепили территорию: защитой; сводом правил

и едиными языками. На деле воплощая древний принцип: «Объединяй и царствуй!».

Меж тем за соблюдением порядка в самой Империи надзидала судебная система. Её вершиной были судьи. И однажды, как частенько бывает, веками отлаженный механизм дал сбой. Всё дело в том, что жена одного влиятельного судьи, увлѣкшись рассказом мужа о злодеянии, заинтересовалась заключѣнным. Ведь, судя по тяжести содеянного, а он запятнал себя невинной кровью, его собирались отправить в изгнание. Но на жену судьи трагедия произвела иное впечатление! Вместо осуждения она испытала восхищение, в чём не посмела открыться мужу и возжелала увидеть обвиняемого. Это было несложно, так как задержанных регулярно доставляли на допросы, и съедаемая любопытством женщина уговорила судью, позволить ей взглянуть на это чудовище. Как выразилась она в отношении обвиняемого.

Уже на следующий день, когда солнце клонило к закату, к зданию суда подкатила повозка. То привезли обвиняемого, и жена судьи смогла внимательно рассмотреть объект вожделения. Лучше бы она этого не делала, потому что в жизни арестованный оказался гораздо привлекательнее! Его не портила даже болезненная бледность, приобретаемая в тюрьме. Они мельком взглянули друг на друга, и женщина едва не лишилась чувств. Внезапно осознав, какая участь ждѣт того, кто отныне навеки поселился в её сердце.

На ватных ногах красавица вернулась домой и, запершись

в светёлке, разрыдалась! Однако когда судья вернулся со службы, ничем не выдала смертной тоски. Сохраняя спокойствие, она накрыла на стол и сквозь зубы улыбалась. Супруги вместе поужинали, а затем муж поинтересовался, какое впечатление на любимую произвёл задержанный?

Можно только представить, какие муки довелось испытать бедняжке! Но пришлось улыбаться и отшучиваться. Впрочем, улыбку портили уголки рта, устремившиеся вниз и пошёл отсчёт времени в обдумывании плана, будоражившего её мысли. В очаровательной головке вызрела задумка, и плутовка приступила к её исполнению.

Судебная ошибка

Преисполнившись решимости, отныне она каждый вечер встречала мужа в соблазнительном белье и не накормив ужином, увлекала в спальню. Где после долгих, томительных ласк потчевала такими яствами, что у судьи от нежности замирало сердце! Правда искусительница всякий раз была на чеку и перед тем, как муж погружался в сон, словно ненароком делилась историей подруги, которая, как оказалось, влюблена в того самого арестованного. И что не всё в этом деле чисто, а многое видится в ином свете. Достаточно приглядеться к фактам. Так воздействуя на мужа, она в скором времени пошатнула его уверенность в виновности обвиняемого...

Тем не менее, поначалу судья решительно отказался менять фактически принятое решение. Но силёнок не рассчитал! Роковая красавица, подкрепляя просьбу регулярными утехами, сумела сделать его покладистым. К тому же, и об этом следует сказать особо, имелось ещё одно обстоятельство. И оно было не в пользу того, кого защищало правосудие, ибо по роду деятельности он был ростовщиком. А известно, кто наживает на чужой беде, не будет в почёте. По этой причине многие презирали ростовщика, а кое-кто сочувствовал любовнику. Впрочем, некоторые откровенно сожалели, что ростовщик оказался столь живучим. Но, как бы то ни было, он находился под защитой Империи, и никому не дозволено покушаться на чужое, будь то жизнь, женщина либо имущество.

Так или иначе, но всё шло своим чередом, и как гласит народная мудрость: «Ночная кукушка дневную завсегда перекукует». Вот и стал судья, сам того не замечая, наполняться негодованием к ростовщику, построившему благополучие на чужих слезах. А когда стало известно, что его жена вернулась к родителям, многие призадумались. Правда, к рассматриваемому делу это не имело отношения. Справедливость должна восторжествовать! Да и поруганная жена спустя время вернулась, потому как это ростовщик отправлял её к родственникам. Но об этом стало известно много позже. Решение же надобно принимать именно сейчас.

И вот настал долгожданный час суда. Просторный зал,

где рассматривалось дело был переполнен. Многие следили за процессом и заседания проходили оживлённо. Процесс длился не один день, рассматривалось не рядовое преступление. Соблазнение чужой жены в те времена было редкостью, и уж тем более, примешивалась невинно пролитая кровь. По этой причине выступления обвинителя и защиты яростно чередовались, и порой доходило до скандалов. Всё сплелось в тугий узел, где каждое слово звучало веским аргументом. И это состязание юридической словесности затмевало саму суть процесса.

Но всё подходит к завершению. Закончились и прения сторон. Настало время последнего слова, от которого обвиняемый отказался, полностью вверив себя в руки правосудия. Такой поворот не мог не понравиться суду. Уповать на справедливость по плечу лишь невинному. Однако мало кто догадывался, эту линию поведения подсказали в таинственных записках, что регулярно доставляли с корзинкой вкусной еды и парой чистого белья. А потому обвиняемый всем своим видом выказывал раскаяние и покорно ждал приговора, что вкупе с красивой внешностью благотворно влияло на публику. Внезапно зал смолк, судья приступил к оглашению вердикта...

То, что он произнёс, оказалось столь неожиданным, что поначалу не все поверили. Оно и не удивительно, ведь судья приговорил обвиняемого к бессрочному пребыванию в статусе «общественной собственности». До тех пор, пока пол-

ностью не искупит вину. Вечная ссылка как справедливое возмездие за содеянное даже не упоминалась...

Едва он смолк, по залу прокатился рокот. Этим присутствующие выразили отношение к приговору. Но правосудие свершилось, нужно расходиться, и публика с нескрываемым изумлением поглядывала на обвиняемого. Пожизненное изгнание, бывшее нормой для подобных злодеяний, уходило в прошлое, а судейские, кто присутствовал на процессе, переглядывались, понимая, что случился, говоря строгим юридическим языком – прецедент! Правда, мало кто представлял последствия столь пагубного шага. Тем не менее, обжаловать приговор не получится. Авторитет и беспристрастность судей были столь высоки, что ни у кого не возникало сомнений в справедливости вынесенного решения. По крайней мере, так было раньше.

Весть о чудесном спасении застала врасплох не одно ведомство. Едва делопроизводство положило на бумагу то, чему свидетелями были многие, стало очевидно, свершившееся – есть факт! И впервые за многовековую историю Империи всколыхнулось общественное мнение. Брат ссорился с братом, сын не повиновался отцу. Вместе с тем изменить что-либо было невозможно. Так одна влюблённая женщина, посеяла в обществе отравленные зёрна раздора. Словно «зубы Дракона» в известном мифе, они проросли, мнения раскололись, а единодушие дало трещину.

А тем временем приговорённый вынашивал план как

можно скорее выйти на свободу. Для этого требовалось ни много ни мало добиться прощения ростовщика, что, учитывая природу его занятости, было делом крайне сложным. Кроме того, одновременно с ним жена судьи также размышляла, как склонить потерпевшего, чтобы снял претензии, и для этой цели вступила с ним в переговоры. Используя в качестве посредницы подругу, недалёкую, взбалмошную девицу.

Но на то и ростовщик, с ним особо не сторгуешься. Легко выведав у простодушной посредницы, кто хлопочет за обидчика, он запросил такую же цену, каковую заплатил сам. Его условием было лечь с ним в постель! К тому же пригрозил, если требование не будет исполнено, расскажет обо всём судье. В результате красавица оказалась в ужасном положении. Ей предстояло выбрать между позором и ещё большим позором. И она выбрала! Ведь, если муж узнает, всему конец.

Так ростовщик получил своё, но слово не сдержал, рассказывая всем и каждому, как жена все сильного судьи угрозами заставляет его отозвать претензии. Разразился неслыханный скандал, в котором были замешаны весьма влиятельные особы...

Начало конца

Ну а пока суд да дело, в Империи нарастало количество приговоров, выносившихся с оглядкой на прецедент. Бо-

лее того, постепенно внедрили критерии, согласно которым освобождение осуждённых более не зависело от воли потерпевших. Отныне, хочешь не хочешь, придётся сидеть полный срок. Таким образом, принятые меры увеличили число отбывающих наказание за тяжкие преступления. А избыток вину, те, кто ранее покидал пределы Империи, возвращались домой. Правда, утверждать, будто они исправились, было наивно. Всё время возникали рецидивы, в результате судебный круговорот вовлекал в свою воронку всё больше населения. Увеличилось количество судей, конвойных и надсмотрщиков. Разросся аппарат сыска, и появилась новая категория – осведомители.

Вместе с тем самым угрожающим оказалось число манкуртов, разгуливающих на свободе. Именно это обстоятельство множило недовольных среди потерпевших, их родственников и знакомых. Трудно смириться законопослушному обывателю, когда убийцы и насильники разгуливают по улицам. Одним фактом своего нахождения на территории, неся угрозу общественному порядку.

И как-то в одной губернии, где концентрация избывших вину достигла критической отметки, разыгралась трагедия. Она привела к массовой бойне жителями всех, ранее отбывших наказание. Тогда пролилась кровь, и власть жестоко подавила беззаконие. А следующим шагом стало объявление чрезвычайного положения на всей территории. Так властные рычаги перешли в руки военных! Те, недолго думая, упразд-

нили гражданские институты, остальным присвоили звания и встроили в иерархию подчинения. Суды повсеместно заменили трибуналами и ввели смертную казнь. Диктатура военных сменила прогнившую «аристократию». И полетели голы...

Всегда возможен вопрос: почему не остановили беспредел? Но вымысел на то и вымысел. Он позволяет предложить любое развитие событий, а учитывая смену власти, место, где возвышалось величественное сооружение, обезлюдело. Чуть позже его и вовсе сровняли с землёй, на которой возвели строение, более походившее на музей. К слову сказать, оно и по сей день находится там ввиду того, что представители сакральной власти покинули Империю. Они оставили о себе память в виде окружающего нас поныне. И достаточно оказаться на улице, как взор выхватит в суетной толчее бегущих дней нечто застывшее во времени...

В этой связи территорию Империи поразил вирус. И вирус этот – рабский дух! Человека, позабывшего, кто он, откуда и куда направляется. Индивида, напрочь лишённого памяти. Вот почему невозможно передать словами злорадство, наполнившее сердца изгнанных за тяжкие преступления. Ведь, едва до них докатилась весть о переменах, в тот же час строго организованная по тюремным законам жизнь периферии заполнила вакханалией территорию самой большой державы мира. Меж тем на первый взгляд ничего особенного не произошло, Империя существовала в прежних границах, но

ослабили сдерживающие скрепы. В результате контроль отбора годных для государевой службы упразднился, и проникли во властные институты те, для кого нажива – самый почитаемый бог.

Красиво упакованная в идеологию вседозволенности жажда наживы провозгласила превосходство индивидуального! И не выдержали традиции, на которых стояла Империя. Треснули кирпичики, осколками разлетаясь от давления, что обрушилось на них с приходом новой отравленной морали отверженных. Кирпичиками были обычные семьи, где сызмальства закладывалось «что такое хорошо, а что плохо». И на глазах подрастающего поколения всё перевернулось с ног на голову. Бывшее хорошим, стало плохим, а, за что раньше наказывали, превратилось в норму.

Изменения коснулись всего. Мораль и нравственность, экономика и образование – всё подвергли ревизии. Откуда ни возьмись, появились новые апостолы и с упоением насаждали непозволительное. Гнойными язвами расплодились секты, кружки, где «промывали» мозги, поскольку проникая во власть, представители нового мышления крушили всё, что не встраивалось в их систему ценностей. Как итог, различные точки зрения, бывшие под запретом, обрели сторонников, а некоторые претендовали на истину высшей инстанции. Взынченность в обществе достигла такого накала, что стоило предложить любую идею, как оратор-безумец тут же обрастал толпой поклонников, объявлявшей идола куми-

ром.

Кумир не мог ошибаться! Это вбивали в головы, и таких пробитоголовых с избытком, так как традиции и устои, державшие население в узде, «почили в бозе». Их сменило торжество новой морали, в которой бесхребетность мужского полу отражала образ жизни тех, кто населяет периферию. От кого наши предки избавлялись, вычищая земли от порока. И со временем, вместо неделимого монолита, чем когда-то являлась Империя, на обширной территории заколосилась вольница центробежных сил.

А пока в центре устанавливали новые порядки, приграничные племена наблюдали. Правда, видя, как вседозволенность обрела очертания нормативных актов, многие призадумались. Желание обрести самостоятельность захватило умы, и началось расползание на отдельные анклавы.

Другое дело, что племена разделились! Старейшины не желали менять привычный уклад, однако молодёжь считала иначе. В итоге дошло и до рукоприкладства, и пролилась первая кровь. А там, где она оросила землю, разговоры смолкают. И запылали очаги этнических конфликтов, ведь те, кто веками жили дружно, остервенело уничтожали друг друга. Жестокость и беззаконие захлестнули благодатный край. Империя затрещала и распалась...

Безнаказанность

Возможно, читателю, рождённому в спокойные времена, в это сложно поверить. Но когда рушится эпоха, а кто её создавал, стали предметом злословия, всё свидетельствует о крахе. Вместе с тем, традиционные отношения в обществе ещё держались. Но их подталкивали в бездну новые взгляды. Согласно этим воззрениям – дозволялось всё! Отныне личность возвели на пьедестал, и государство её обслуживало. И главное лукавство заключалось в том, что пагубные пороки обосновали мировоззренческой системой. В результате Империя погружалась в забвение, её просторы уменьшались, а племена, объявляя независимость, урывали лакомые куски земель. Они озадачились легитимизацией собственного происхождения, состряпав «историю» и поучая тех, кто приобщил к благам цивилизации. Одарил языком, медициной, образованием, без чего немислима государственность...

Такое безрадостное положение на долгие века погрузило Империю в сон. И чтобы поколения сладко спали, им «промыли» мозги, да так, что многие позабыли историю. Вот почему беспамятство – главная национальная черта многих, и лукаво написанная хронология подорвала веру в прошлое. Она выкорчевала память, надругалась над укладом, превратив население в не помнящих своей великой истории. Единым, пожалуй, осталось чувство вины.

Впрочем, одного не учли реформаторы. Вседозволенность – заразна! Проникая во все сферы жизни, она разложила тех, кто разорвал Империю. В итоге, государственные институты оказались с двойным дном, и отсутствие отбора во власть породило коррупцию. Подпитываемый жадной наживы этот монстр пожирал любого. В результате во власть устремились не ради служения, а с целью обогащения, и число генералов превысило мыслимое. Их стало больше, нежели во времена, когда границы Империи простирались от горизонта до горизонта.

Происходящее сказалось и на облике населения. Изменились мода, манеры, стиль поведения. Вспененная волна нововведений выбросила на поверхность то, что похватили праздно шатающиеся. После чего вырядившись, вышли в обновках в свет. Этими обновками оказался наспех состряпанный нигилизм, и поначалу, как водится, он привлёк внимание. Модным становилось всё: иностранные словечки, нелепая одежда, обезьяньи ужимки, даже татуировки, которыми клеймили рабов и проституток. И хуже всего это сказалось на женщинах, ведь многие стали вести себя развязно. В итоге, превратились в манкуртов, не понимая, что пустые мечты – верная дорога в страдание. И удел манкурта – печаль! Не способен он на счастье, его грёзы – в нереальном. Так и живёт, не имея возможности пробудиться. Его дневной сон сменяет ночная полудрёма, и продолжится всё, пока не наступит вечный покой.

Увы, манкурты расплодились неимоверно. Вы можете подойти к зеркалу и увидеть его. Манкурта легко узнать, визитная карточка – фальшивая улыбка и застывшие глаза. Таких девиц легко опознать, у них печаль запечатлена на челе, и женщина, съедаемая манкуртом, сравнима с горбушей, отметавшей икру. Старея, она обзаводится горбом и клыками, а также заживо сгнившим телом. Когда берёшь в руки такую рыбину, одна её половина видится здоровой. Но стоит развернуть, как взору предстанет жуткое зрелище. Обнажённые рёбра у всё ещё живой трепещущей рыбы. Так и те, чей манкурт разросся до небывалых размеров, производят впечатление живых. Однако они давно мертвы...

Тем временем праздник продолжался, увлекая красочностью новых участников. В итоге дошло до того, что над нормой физиологии устроили суд, но сделали это по-иезуитски. Не было ни судей, ни адвокатов. Сплошные обвинители. Само же судилище заключалось в публичном осмеянии природных основ. Теперь влюблённые парочки не имели право выказывать друг другу внимание. Иначе можно оскорбить тех, кто имеет иные сексуальные предпочтения. Другое дело, что именно это положило начало сокращению населения. А его стремительная убыль привела к утрате влияния и выходу из-под контроля Метрополии даже тех провинций, что когда-то считались неотделимыми.

Вместе с тем печальные последствия для отколовшихся наступили чуточку попозже. Вследствие чего уровень жизни

стремительно упал. На защиту центра более не приходилось рассчитывать, вот население и разбежалось в поисках лучшей доли. Зато на политической карте мира появилась ещё одна дюжина карликовых, марионеточных государств.

Парадокс

Всё в жизни чередуется. День сменяет ночь, радость приходит на смену печали. И на съёжившейся территории Империи стали пробуждаться нормальные, естественные тенденции. Природная тяга мужчины к женщине повлекла за собой зачатие детей. Во многих регионах возрождались традиции и появлялись многодетные семьи. Правда, были и другие, где по-прежнему цвела распущенность, а население вымирало. В этой связи такие территории оставались малозаселёнными. На них стало некому пахать и сеять. А в скором времени могло случиться, что и защищать границы не будет возможности. Но главный парадокс заключался в том, что два совершенно разных взгляда на мироустройство уживались под единой крышей. Сталкиваясь воспалёнными краями, они откатывали назад. Но долго так продолжаться не могло...

Благословенны земли, на которых есть хозяин! Чьё недремлющее око неустанно зрит за порядком. Так устроено природой, и стоит ненадолго отлучиться льву, как территорию заполнят гиены. Эти свирепые хищники, чья мощь таится в сокрушающих челюстях, ибо гиены легко отбирают

добычу у одинокой львицы либо молодого льва. Невзирая на силу и ловкость внушительных и грациозных кошек. Увы, львицы малым числом покидают территории, где в изобилии пасётся живность. В отсутствие льва гиены правят бал!

Однако стоит им услышать львиный рык, как раскат грома завершит правление. Блеск молний озарит грозный оскал – ваше время вышло! И если кому-то по нраву испытать судьбу, то лишь до той поры, пока хищник не переломает хребет. После чего, оставив безжизненное тело, развеет иллюзии...

Вот и на заброшенные земли вернулся хозяин. И первое, что сделал, было следующим: за тяжкие преступления следовало длительное заключение, а после лишение подданства и высылка за пределы! Могучая рука, верша справедливость, не дрогнула, и многие облегчённо вздохнули, ибо суровая мера сократила количество злодеяний. А реформа правоохранительной системы привела к тому, что отпала необходимость в бесчисленных армиях вахтёров. Мужчины ушли на производства, они росли, словно грибы после дождя, и вскоре на заброшенных землях морем разливанным заколосилась рожь. Она провозгласила закат эпохи превосходства частного над коллективным.

Впрочем, довольно суровых слов! Пора позабавить читателя фантазией, как было бы здорово, когда одинокие женщины пристроены, и у каждой очаг, дым коромыслом и наваристая похлёбка. Какая накормит вернувшегося с работы мужа и орду ребятишек. И в Империи эту задачу реши-

ли, ибо предложенный способ обоснован выживанием. Но в первую очередь отметим мудрость жён, с достоинством принявших нововведения. Поклонимся им до самой земли, потому как полюбовное закрепление за каждым мужиком одиноких с малыми ребяташками баб – немалое испытание и для него, и для той, что уже нарожала ему детвору.

Благодаря веками испытанному способу, население обрело защищённость. Кроме того, введение налога на бездетность сделало зачатие деток делом не только приятным, но и выгодным. Вот население и трудилось над продолжением рода, а львиная доля забот легла на плечи державы. Торжество справедливости и здравого смысла привели к тому, что обременительные для семейного бюджета покупки стали предметом шуток, и торговые центры, некогда оккупировавшие города, опустели. Их переоборудовали в школы, где подрастающему поколению прививали мышление, логику, риторику, а также спорт и физический труд. Время неучей, называвших себя коучами, прошло.

Отдельно следует упомянуть о детях-сиротах. Их безрадостная жизнь без родительской любви не осталась прежней. В силу того, что атмосфера в обществе из хищническо-атавистической обрела суть заботы обо всех и каждом, обыватели забрали детишек из приютов. Всё произошло стремительно, и детские дома исчезли, дабы память о мрачных временах не тревожила.

Справедливость

Наверняка возникнет вопрос: а как складывалась жизнь на периферии? Увы, ответить положительно не получится, потому что, когда Империя процветала, периферия угасала. Она теряла влияние, её внутренние противоречия оказались неразрешимы. Политика размывания антропоморфологических различий столкнулась с бесчисленными потоками мигрантов. Они хлынули туда, где подчинённое положение мужчин является нормой. Но с мигрантами, воспитанными по-иному, этот фокус не удался. Толерантность сыграла с европейцами злую шутку! Агрессивные мигранты оросили приютившую их землю насилием. Местное население превратилось в заложников неспособности государственных институтов, вот почему многие снялись с обжитых мест и отправились в Рим. А Москва – третий Рим, и четвёртому не бывать...

Вероятно, причина вакханалии, захлестнувшей Европу, защитная реакция стран на насаждение чуждой идеологии. В результате многие государства ввергли в хаос. Вот и бегут оттуда все, кто может. Бегут и привносят свои порядки. И теперь столица Франции преобразилась, на Монмартре режут баранов и жарят шашлык.

Не менее плачевная участь постигла и родину корриды, ведь эта территория узаконила однополые браки. Вследствие

чего ряды кумиров нации – матадоров – пополнились «новой формацией» укротителей быков. И во время очередной корриды такой матадор не сумел заколоть быка. Разразился скандал, ведь едва бык понял, кто перед ним, он насадил бесполое существо на рога. После чего сделал круг почёта по залитой кровью арене! Воистину это было весьма символично, как природа расправилась с возомнившим о себе невообразимое.

Однако оставим Старый Свет и отправимся по следам сына испанского народа. Этого голубя мира, открывшего континент, что принесло смерть миллионам его обитателей. И сегодня, окидывая взором случившееся, по-иному оценим события дня. Вот и пожинают жители Старого Света последствия деяний предков, огнём и мечом освобождавших место под солнцем. Колесо истории, натужно скрипнув, сделало оборот. Круг времён сомкнулся. Незримый меч навис над мирно спящим населением, и море слёз, пролитое индейцами, перемешалось с океаном...

И однажды могучий вулкан пробудился, огненная лава выбросила на поверхность громадную толщу воды! Одновременно побережье накрыл водоворот, сжимая в объятьях города, погружая их обитателей во мрак неизвестности. Увы, бесславный конец ждёт всех, кто, уверовав в собственную непогрешимость, силой навязывает свою точку зрения.

В самой же Империи в это время пахали и сеяли. Тучные урожайные годы следовали один за другим. Мало кто

задумывался, что могло быть по-иному, и только старожилы неохотно вспоминали времена, когда устройство Империи существенно отличалось. Нынче же она превратилась в лидера по поставкам злаковых туда, где сохранялся хоть какой-то порядок. Правда, отсутствие единой финансовой системы привело к тому, что оплачивать зерно было нечем, единственным способом расплатиться оставалось просить о покровительстве. Так многие и сделали...

К сожалению, коротка память человеческая, и сегодня в Европе сносят монументы воинам-освободителям. Но подобный вандализм невозможен, когда обелиски стоят на пустырях, где не так давно располагались столицы враждебных государств. Такие символы победы неприкасаемы...

Суд над Либерализмом

Как гласит одно известное мнение, с которым при желании можно не соглашаться, население государства состоит из четырёх основных частей. А само государство – есть способность его граждан, исповедующих различные религиозные, политические и иные предпочтения, договариваться между собой, проживая на одной территории. Именно этим достигается гражданское согласие, равно как его отсутствие ведёт к междоусобицам и конфликтам. В результате чего крупные державы нередко распадаются в угоду тем, кто, не жалея сил, сеет раздор и вражду. Другое дело, что, доминируя в определённый период, та либо иная часть населения, находясь у руля, способствует укреплению государства либо упадку. Примеры чего легко найти в истории, поскольку, чем могущественнее и влиятельнее держава, тем больше у неё завистников, стремящихся урвать лакомые куски территории, когда разъедаемая противоречиями она вот-вот развалится.

Возвращаясь к четырём упомянутым группам, отметим: в любом государстве есть люди, чья жизнедеятельность напрямую связана с землёй. На земле они выращивают урожай, извлекают из недр природные богатства либо являются охранителями, работая лесничими и егерями. В былые времена их называли коммунистами или общинниками, так как труд носит общинный характер. На этом зиждется взаимоза-

меняемость и, в конечном итоге, – благополучие коммунистов. Правда, существует и другое определение. Иногда их называют пахарями, что наиболее точно характеризует данную группу. Вместе с тем, работая изо дня в день, они нуждаются в тех, кто преобразует результат их труда в товары. Иначе что проку в урожае, если сгниёт в закромах? Зерну должно поступить на мельницу, где его перемелют и отправят на хлебокомбинат. Там из муки испекут хрустящие булочки и на радость покупателям отправят в магазины. Но о магазинах чуточку попозже. Что же касается тех, кто работает на мельницах и комбинатах, а также иных производствах, их величают социалистами. Правда есть и другое обозначение данной категории. В обиходе их зовут работягами, и они всегда следуют за теми, кто создаёт первичный продукт, ведь их задача – продукт вторичный. И нужно признать, социалисты со своей работой неплохо справляются.

Но вот хлеб готов, и надобно донести его до потребителя; следовательно, самое время явиться тем, кто организует сбыт. Отсюда всевозможные лавки и магазины, гастрономы и прочие точки реализации, где покупателю предложат хороший товар. А как же иначе? Лавочники трудятся не покладая рук, с утра нужно завезти товар, днём продать, а вечером убедиться, что запас имеется на складах. Кроме того, со всеми найти общий язык, а это непросто. Именно за умение договариваться с кем угодно представителей этой категории называют демократами. Они дают первичную оценку

продукту, создаваемому коммунистами и социалистами. Таким образом, формируют капитал, с которым работают. Между тем в просторечье существует и менее лестное определение – торговцы! Но в нашу задачу не входит кого-либо обидеть. Мы лишь используем устоявшиеся выражения, называя вещи своими именами.

Помимо демократов существует ещё категория, в задачу которой входит работа с продуктом, создаваемым уже демократами. Эта немногочисленная прослойка взвешивает и оценивает капиталы, а также их способность изменяться в зависимости от ситуации. В народе их кличут ростовщиками. Мы же назовем данную категорию либералами – теми, кто вторично оценивает труд коммунистов и социалистов. Иными словами, продукт, создаваемый либералами, есть оценка любых ресурсов и любых возможностей или – капитализация, либо её отсутствие.

Кратко обозначив интересы общества, с чем можно не соглашаться, следует заметить, что, когда наступит ротация власти, часть населения, долгое время направлявшая интересы государства в русло собственных представлений о прекрасном, не желает уступать место. Её представители выросли во властные кресла, и приходится выдирать их оттуда силой. По крайней мере, добровольная передача власти большая редкость, как белая ворона либо молчаливый политолог. Но в обществе вызрело недовольство, и оно приводит к подведению итогов. Однако такие итоги, как правило, сопровож-

даются вакханалией с огромным количеством жертв и разрушительными последствиями: как утрата территорий, снижение уровня жизни и сокращение населения всегда ожидают державы, дабы они не могли возродиться из пепла. Вот и на некогда обширной территории подводятся итоги очередной смены ориентиров. Бывшей не так давно желанной и предвосхищаемой её адептами. Правда, эти перемены быстро привели к усталости населения и сказались на снижении рождаемости. Как следствие, на скамье подсудимых оказался Либерализм, чьи последователи повинны в происходящем. Намеренно либо нет, это и предстояло выяснить Высокому Суду.

На стороне обвинения в сём значимом процессе выступил прокурор, чьё имя за несгибаемость стало нарицательным. Именовался он Социализм! Прокурор намеревался в пух и прах разнести деяния Либерализма, присвоив им квалификацию зловредных и злонамеренных. Уж больно неприглядным был в его глазах подсудимый, и прокурор делал всё, чтобы доказать его вину. Для этой цели он позвал учителя, седого наставника, собиравшего выйти на пенсию. Когда-то у него постигал азы юриспруденции и по сей день был благодарен за науку. Несмотря на собственную именитость, он и теперь не чурался обращаться к учителю за советом. Что и не преминул сделать, едва узнал, о каком подсудимом идёт речь.

Его наставник охотно вызвался помочь. Либерализм не

пользовался уважением в его глазах, ведь звали учителя Коммунизм. Он был высок и худ, широк в плечах и резок в суждениях, но, когда того требовали интересы дела, оказывался сговорчив. Несмотря на свою известность, его устроила роль помощника, и Коммунизм готовился первым взять слово. Он не спеша перекладывал бумаги, внося правки в обвинительную речь. Такой основательности давно не наблюдалось в зале суда, в связи с чем освещавшие процесс журналисты уже строчили первые заметки. Иными словами, все готовились к столкновению мнений, взглядов, аргументов. Сторонам предстояло убедить Высокий Суд в собственной правоте и развеять доводы оппонента.

Само собой разумеется, ни одно судебное заседание не имеет право претендовать на звание объективного, если отсутствует защита. Иначе какой же это состязательный процесс? Но в нашем случае на заседании присутствовала адвокатесса! Её пылкость и велеречивость сводили с ума представителей обвинения. К немалому удивлению публики женское красноречие нередко одерживало верх над логикой обвинения, если последняя не была высказана твёрдо и безапелляционно. С присущим ей кокетством она выстраивала защиту, искусно перемешивая обстоятельства с эмоциями, преподнося их таким образом, что создавалось впечатление внушительной позиции, основанной на фактах. На деле же её славословия не имели ничего общего с правдой, но многие, столкнувшись с такой манерой, пасовали. Конечно, впо-

следствии решение обжаловали, но адвокатесса не огорчалась, а принимала позу соответственно моменту. Звали девушку Демократия. Она была замужем за некогда убеждённым либералом, который вскоре после женитьбы сменил политические взгляды. Что же касалось Судьи, он носил мантию и внимательно изучал присутствующих, наблюдая то за одним, то за другим участником процесса.

И вот в зале наступила тишина. Помощник прокурора поднялся, Судья кивком разрешил ему высказаться. Седовласый Коммунизм кашлянул и важно произнёс:

– Уважаемый Суд! Разрешите вначале сказать несколько слов об инфантильности и доверчивости. Именно с них, на первый взгляд малозначимых и безобидных, всё и начинается.

Едва прозвучали его слова, в зале переглянулись. Журналисты тут же склонились над блокнотами, торопясь записать услышанное. Помощник прокурора продолжил:

– Говоря об инфантильности, Ваша Честь, я имею в виду её политическую разновидность, так как наши сограждане, – он сделал паузу и посмотрел на обвиняемого, – проявляют безмерную доверчивость. Откуда берётся такая доверчивость? – оратор вознёс глаза к небу. – Она не столь безобидна, как кажется на первый взгляд. С годами обаяние юности исчезает, превращая её в старческую немощь. Немощь политических недорослей. Именно они парализуют общество, делая его добычей правящих кругов. И яркий тому пример –

Европа! Потомки Марата и Робеспьера стали чужими на своей земле. Талейран переворачивается в гробу, видя, что творит толерантность. Деграция политической воли под маской плюрализма надолго поселилась в «старом свете». Приток свежей крови в лице многочисленных мигрантов – следствие беззубой политики национальных интересов...

Он прервался и сделал глоток воды. Высокий Суд молчал. Из уважения к коммунистическим сединам он проявлял терпение. Хотя, нужно признать, выступление помощника прокурора не имело ничего общего с делом, рассматриваемым в суде. Речь шла о злодеяниях на нашей территории. Причём здесь Европа? Впрочем, Судья нисколько не сомневался в продолжении, и оно не заставило себя ждать.

Утолив жажду, Коммунизм вернулся к обвинениям, которые излагал на языке, используемом как юристами, так и политологами. Ввиду того, что его собственные убеждения с годами только крепили, он чувствовал себя, как пчела на поле, предвкушая хороший взяток. Мельком глянув на аудиторию, Коммунизм произнёс:

– Уважаемый Суд! Мы живём в двадцать первом веке, когда межцивилизационные конфликты породили новую угрозу – международный терроризм! – Помощник прокурора сделал паузу и набрав в грудь воздуха, продолжил: – Террор сродни войне. Они кроваво-кровные братья! То, что сегодня он объединяет представителей разных народов, доказывает: причина вышла за пределы одного государства и рас-

пространилась по всему миру. И виною тому – современный неокOLONиализм, свирепое порождение либерализма! – Помощник прокурора кивком указал на подсудимого и добавил: – Нынче Либерализм прикрывает насилие флагом, сшитым из лоскутов общечеловеческих ценностей. По этой причине борьба ведётся в сфере представлений о смысле жизни, ведь страны «запада» осуществляют экспансию, они подсчитали: проживание на уровне потребления жителей США возможно обеспечить только миллиарду человек. Этот «золотой миллиард» будет обитать в странах, где банки и университеты, информационно-аналитические центры и лаборатории. Остальным – работа в шахтах, на нефтепромыслах и иных вредных производствах. Западный образ жизни вместо оплота гуманизма, каким пытался предстать, оказался иждивенцем, поражённым бесконтрольностью собственного потребления! К сожалению, из-за него, – помощник прокурора со злобой кивнул на подсудимого, – Россия перестала быть уникальной цивилизацией, а стала частью «запада». Притом такой его частью, где мерзости западного мира вскрылись с ужасающей очевидностью.

Помощник Прокурора вытер платком шею и сел на место. Пока длилась его речь, Судья задумался о том, что присутствующим должно быть хорошо известно, к чему привела Октябрьская революция. Один «красный террор» чего стоит! Причём по тем же самым идеологическим мотивам, какие он нынче вменяет Либерализму. Интересно, воспользу-

ется ли адвокатесса промахом? Едва об этом подумал, как сторона защиты попросила слово. Судья разрешил адвокатессе высказаться.

Красивая женщина поднялась, и взоры устремились на неё. Демократия поправила волосы и, лучезарно улыбаясь, посмотрела на прокурора. Под её взглядом тот расцвёл. Он опустил глаза и принялся вертеть пуговицу на мундире. Убедившись, что чары действуют, адвокатесса произнесла:

– Уважаемый Суд! Всё, о чём нам только что поведал представитель обвинения, – она бросила взгляд на помощника прокурора, – весьма любопытно. Вместе с тем, – тут кокетливо сложила губки, – ни капельки не убедительно. Да простит меня уважаемый коллега, но представленные им доводы не доказывают вины моего подзащитного. Конечно, во все времена ведутся кровопролитные войны, и в том, и в другом случае гибнут люди. Однако позвольте спросить, – Демократия картинно сложила ладони, – при чём здесь Либерализм? Как раз наоборот! Именно либеральная мысль выступает против насилия, предлагая споры разрешать путём переговоров. И уж тем более мой подзащитный не мог на нашей территории развернуться. Он здесь без году неделю, а вы хотите навесить на него всех дохлых лягушек, – сказав это, адвокатесса поморщилась: – Поэтому я призываю Высокий Суд не считать представленные доводы заслуживающими доверия ввиду того, что они не доказывают ни прямо, ни косвенно вины подсудимого.

Произнеся вызвавшую у Суда улыбку речь, Демократия плавно опустилась на место. Формально она была права. Международный террор трудно связать с Либерализмом. Тем не менее, на помощника прокурора её выступление не подействовало. Он тщательно продумал позицию, и всё, что говорил, было разминкой. Изюминку седовласый Коммунизм оставил на потом, поскольку понял: адвокатесса не настолько хороша, как о ней говорят, раз не использовала возможность обратить аргументы против него. Разумеется, он знал и о «красном терроре», и в других вопросах был сведущ. Тем не менее, искренне верил в нерушимость коммунистических идеалов и ради убеждений был готов на многое.

– Ладно, – подумал помощник прокурора, – посмотрим, как ты зашипишь, когда сдери с твоего подзащитного его лицемерную шкуру и выставлю на всеобщее обозрение. А после можно и на погост. Видно, пришло время молодых...

Он поднялся и насмешливо отвесил адвокатессе поклон. Демократия опустила глаза, выражая признательность. Знак внимания со стороны столь уважаемого специалиста был ей приятен, и помощник прокурора, проявив учтивость, заговорил как ни в чём не бывало. Однако его тон изменился, теперь голос звучал ровно и доброжелательно. Он не обвинял, а рассуждал, и от этого сказанное становилось только убедительнее:

– Любезная адвокатесса, как всегда, в чём-то права. Вопрос в чём? – с колкости в её адрес начал Коммунизм. –

Что же касается доказательств, – их предостаточно. И дабы не быть голословным, напомним о крупнейшей геополитической катастрофе – крушении СССР! Согласитесь, оно не было случайным. Это событие долго готовили, вбрасывая в информационное пространство «факты» о якобы «преступлениях» советской власти. Я хорошо помню, как глашатаи перестройки восторженно трубили: рыночная экономика спасёт от административной диктатуры, Европа распахнёт нам свои двери! Как итог, – помощник прокурора вздохнул, – сменилась общественно-экономическая формация. Страна Советов ушла в небытие, вместо неё сформировалось общество из классов с непримиримыми противоречиями. Но любопытно другое: правящие круги, казалось бы, образованные люди, все до единого попали в ловушку под названием «разгосударствление собственности». Эта гениальная пиар-находка стала блестяще исполненным инструментом разрушения экономики! Населению огромной державы внушили, что существует собственность, никому не принадлежащая. Именно её присвоил фантом под названием «Административная Система» и управляет ею из рук вон плохо. Но благодаря младореформаторам ничейная собственность обретёт хозяев. Тут же наспех состряпали слоган: «Чем больше богатых, тем богаче общество!» и – понеслось...

Помощник прокурора сделал несколько глотков воды. Утолив жажду, вернулся к предмету:

– Уважаемый Суд, факты – вещь упрямая! И говоря стро-

гим юридическим языком, «ничейной» собственности не существовало. Собственность была. Но её название и юридическая форма – общенародная, а не государственная. Она создавалась миллионами советских граждан, работавших за отсроченное вознаграждение – светлое будущее своих детей! Советское государство не владело собственностью, а только управляло. Подводя итог чудовищному по масштабам обману, со всей ответственностью можно утверждать: с началом реформ произошло не разгосударствление собственности, а её огосударствление! Правящий класс присвоил собственность, которой управляло государство-предшественник, – Советский Союз. Смею заметить, юридическо-го акта передачи общенародной собственности, равно как и всесоюзного референдума по этому вопросу, не было. И всё же власть имущие украли собственность, затем приступили к её дележу. Но, поделив собственность, они были вынуждены поделиться властью. Так появилось, как минимум, 90 центров власти собственности: 89 субъектов Федерации и Федеральный центр, не считая олигархических групп, которые не только слились с властью, но и успешно с ней соперничали. Что же касалось собственности, находящейся на территории бывших республик, она была разворована местными удельными князьками.

Помощник прокурора в очередной раз взял паузу. Лет ему было немало, но он держался. Журналисты, не отрываясь от блокнотов, записывали каждое слово. Даже адвокатессу впе-

чатлило сказанное. Тем временем помощник прокурора набрался сил и продолжил:

– Уважаемый Суд! История знает период, когда власть и собственность находились в одних руках. Он называется феодализмом и характеризуется: безнаказанностью власти и бесправным положением остальных. К сожалению, нынче в России построено неофеодальное государство, из чего вытекает ряд неизбежных следствий. Следствие первое – отказ так называемой «финансовой элиты» от бремени содержания государства, и инструментом этой в лучших советских традициях уравниловки стал налог на доходы физических лиц. Следствие второе – «парад суверенитетов». Он вызван отнюдь не разделением функций, не передачей полномочий от центра на места, а слиянием власти и собственности. Субъекты федерации – удельные неофеодалы озаботились сохранением теперь уже своей, кровной собственности. Местнический суверенитет стал выше государственного. Сегодня он принял скрытые формы, но мгновенно проявится при ослаблении федерального центра. Более того, главное отличие неофеодализма – «кулачное право». Рейдеры и коллекторы стали обыденным явлением, за которым, как правило, стоят чиновники.

Судья внимательно слушал и пришёл к выводу, что помощник прокурора камня на камне не оставит от позиции защиты. Он решил использовать тот же приём, что и адвоката-тесса. Несмотря на видимость сдержанности, придавал обви-

нению эмоциональную окраску, и сделал это куда профессиональнее.

В это время Демократия, пыталась вычлениить из сказанного моменты, на какие будет опираться в ответном слове. Но всё было прочно увязано логикой, удачно сочетало юриспруденцию и политологию. В этой связи Демократия растерянно оглянулась на подзащитного давая понять, не всё так просто. В ответ Либерализм отвернулся...

Помощник прокурора, дав возможность присутствующим усвоить услышанное, громко произнёс:

– Уважаемый Суд, четвёртым следствием нефеодализма является неограниченное всевластие чиновничества. К нему, как никогда, применимо определение Маркса: «Государство – это частная собственность бюрократии». Именно по этой причине во власть идут не ради служения, а ради обогащения. И, наконец, самое разрушительное – утрата общенационального сознания! Его главная опасность в разрушении государственно-правового мироощущения и подмене его местническим интересом. По этой причине нефеодализм намного отвратительнее своего предшественника, он не стеснён религиозной моралью, традициями, личной и родовой честью. Его апостолы – либералы убеждают, выход – в формировании так называемого среднего класса. Они твердят об этом с самого начала реформ. Странно другое, ими напрочь игнорируется факт, что средний класс появился в городах, независимых от феодалов. Где развивались ремёс-

ла и где, наряду с нарождающейся буржуазией, складывалось право в его нынешнем понимании. У нас же всё опутано бюрократической сетью, и главным препятствием среднего класса является чиновник-неофеодал. Вот почему подсудимый виновен в том, что на обширных территориях расцвёл Русский Неофеодализм – бессмысленный и беспощадный...

Помощник прокурора сел на место. Его ученик не был предупреждён об особой обстоятельности, с какой учитель подошёл к делу. Он уважительно посмотрел на мэтра, чья речь посеяла в присутствующих осознание вины подсудимого, его полной и безусловной виновности в бедах, постигших население. Такое единодушие стало возможно потому, что многие на деле столкнулись с финансовым расслоением.

Меж тем, адвокатесса выступила в обычной манере. Она заявила о невиновности обвиняемого. Другое дело, что теперь её слова воспринимали настороженно ввиду их явной легковесности. Публике стала очевидной игра, к тому же из-за важности процесса и прикованного к нему внимания Демократия изрядно волновалась. Как случилось и в этот раз, когда на взвешенное обвинение ответом последовало кокетство. Даже Судья не мог взять в толк, неужто ей нечего сказать? Отчего не ссылается на факт, что лёг в основу обвинения? Ведь если рассуждать здраво, вопрос о собственности не столь однозначен. В особенности, если учесть, что большевики свергли монархию. И потом, как распорядилась власть Страны Советов с собственностью царской се-

мый, промышленников и фабрикантов? Забавно, подумалось Судье, на скамье подсудимых – Либерализм, но экспроприация не его изобретение.

Не следует думать, будто Судья симпатизировал обвиняемому. Отнюдь! Он рассматривал дело со всех сторон. Но после выступления помощника прокурора у него возник вопрос: чего тот добивается? Повернуть время вспять? Но кому от этого станет легче? Разве что в выигрыше останутся те, кто затеет новый передел...

Его размышления прервала адвокатесса. Посоветовавшись с клиентом, она попросила перерыв. Судья объявил перерыв на час. Присутствующие встали и, шурша мантией, он вышел. Подсудимого увели, публика покидала зал заседаний. Коридор суда ожил, журналисты оживлённо делились впечатлениями, и только адвокатесса беседовала по телефону. Её озабоченный вид демонстрировал растерянность. Демократия не ожидала столь жёсткого напора, а впереди ещё слово прокурора. Вот и набрала неизвестного абонента, и долго с ним беседовала. По окончании разговора, постаралась взять себя в руки; правда, от былой уверенности мало что осталось. Демократия превратилась в милую девушку, волею судеб оказавшуюся на перекрёстке, где скрестились интересы Либерализма, Коммунизма и Социализма...

Перерыв закончился, публика спешила занять места. Ввели обвиняемого, и адвокатесса обменялась с ним взглядом. Либерализм порядочно устал от томительного ожидания.

Всё, чего хотел, – поскорее покончить с формальностями. В зал вошла секретарь-машинистка и торжественно произнесла:

– Встать, Суд идёт!

Все поднялись, и Судья водрузился на своё место. Присутствующие вразнобой опустили на стулья, только адвокатесса осталась стоять. Она попросила слово, и Судья разрешил Демократии высказаться. Немного волнуясь, девушка произнесла:

– Конечно, у помощника прокурора на лбу написано: женщина в мужских делах – к беде! Однако ему придётся с этим смириться, ведь от имени женщин я и начну говорить. То, в чём с таким азартом обвиняют моего подзащитного, возможно, в той или иной мере имело место. Вопрос лишь в степени его виновности. Но я скажу о другом. Без моего подзащитного женщины и по сей день оставались бы бесправными, потому как именно благодаря Либерализму появилась эмансипация! И – равноправие, возможность выбирать и быть избранной в органы власти. Да разве дело только в этом? – Демократия обвела взглядом зал. – Посмотрите, как преобразились женщины! Как они расцвели. Сейчас не принято упоминать, что не так давно к нам относились по-другому. Унижали, оскорбляли и даже били. Но ведь именно мы рождаем детей! Благодаря нам в мире любовь и нежность. И если женщин в чём-то можно упрекнуть, то лишь в расточительстве. Да, бывает, мы излишне тратим деньги. Но эта незна-

чительная слабость компенсируется заботой, которой окружаем мужа и деток. Неужели этого недостаточно для оправдания моего подзащитного?

Судья внимательно слушал и его убеждённость, что Демократия не подготовилась, всё явственнее читалась в складках рта. Как же так? От тебя зависит судьба, а вместо доводов опять за своё. И пока подобные мысли его отвлекали, на лице прокурора мелькнула улыбка. Усилием воли Социализм стёр её и взглянул на адвокатессу. Сама того не ведая, девушка преподнесла ему подарок, упомянув расточительность. Именно на этом он планировал сделать акцент, и теперь всё готово.

Повисла неловкая пауза. В зале почувствовали: адвокатесса делает не то, что нужно. Вместо логики и здравомыслия, она спряталась за эмоции. Но на одних чувствах не уедешь, нужны доводы. И по странному стечению обстоятельств, ввиду явной слабости защиты, сочувствие публики досталось обвиняемому. Но прокурор сразу смекнул в чём тут дело, жалость была частью хорошо спланированной линии. Понимая, откуда дует ветер, ему предстояло вернуть в зал судебного заседания ощущение реальности. А для этого нужен личный интерес! Ибо ничто не отрезвляет лучше, нежели то, что касается напрямую. И прокурор взял слово. Спокойно, будто находится не в зале заседания, Социализм произнёс:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.